

К 100-летию со дня рождения Павла Васильева

ОЛЬГА ГРИГОРЬЕВА

“ПО УКАЗКЕ ПЕТЬ НЕ БУДУ СРОДУ...”

Павел Васильев и Марина Цветаева: параллели жизни и творчества

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ПЕРЕСЕКАЮТСЯ

Они жили в одно время. Общались в разные годы с одними и теми же людьми: Мандельштам, Пастернак, Маяковский, Крученых, А. Толстой, Асеев, Санниковы, Кончаловская, Зелинский... Кажется, что имена этих поэтов и писателей, их судьбы какими-то незримыми нитями вот-вот соединят и жизненные пути Марины Цветаевой и Павла Васильева. Но, увы... В жизни они не встретились никогда. И не могли встретиться: М. Цветаева была в эмиграции с 1922-го по 1939 год. Павел Васильев впервые приехал в Москву в 1927-м, жил в столице с 1929-го по 1937-й. В июле этого года он был расстрелян.

В 1923 году произведения Цветаевой ещё попадали в Россию. “На них отзывались, как правило, глупо и злобно, — пишет Анна Саакянц (“Жизнь Цветаевой”). — Книга “Вёрсты” (стихи 1916 года) вызвала брань напостовца С. Родова под громким названием “Грешница на исповеди у Госиздата”. Через четыре года, в 1927 году П. Васильев, которому не раз доставалось от Родова, замечательно ответил подобным критикам в стихотворении “Письмо”:

*По указке петь не буду сроду, —
Лучше уж навеки замолчать.
Не хочу, чтобы какой-то Родов
Мне указывал, про что писать.
Чудаки! Заставит ли поэта,
Если он — действительно поэт,
Петь по тезисам и по анкетам,
Петь от тезисов и от анкет.*

А ещё через четыре года в своём трактате о творчестве “Искусство при свете совести” М. Цветаева напишет о том, что творить своё время вовсе не означает выполнять социальный заказ, напротив: творить — вопреки заказам и указам! Цветаева была свято убеждена в том, что между истинными поэтами существует “неколебимая связь и неизбывная круговая порука защиты”.

Да, параллельные линии земных судеб Цветаевой и Васильева не пересекались, но пересеклись творческие. Их стихотворения (после многих лет забвения) встретились на страницах альманаха “День поэзии” в 1956 году (издательство “Московский рабочий”). Их разделяет только одна страничка. Подборка стихотворений М. Цветаевой опубликована с предисловием Анатолия Тарасенкова. Конечно, в его словах были и дань времени, и упрощение, и спрямление, и замалчивание. Но всё же – это был прорыв, стихи Цветаевой стали возвращаться к читателю. В подборке было опубликовано 11 стихотворений: “Стихи к Чехии” (7 стихотворений), “Владимиру Маяковскому”, “Поэт и царь”, “Вчера ещё в глаза глядел...” и “Писала я на аспидной доске...”.

Павел Васильев представлен в альманахе двумя стихотворениями: “Родительница-степь” и “Любимой”. Предисловия к его стихам нет, но понятливо-му читателю того времени 1937 год в датах жизни говорил всё без слов... Стихи предваряются двумя строчками: “Ниже мы печатаем два неопубликованных стихотворения талантливого поэта Павла Васильева (1910–1937)”. Так что к читателю в 1956 году они вернулись вместе, можно сказать, рука об руку...

Большую лепту в возвращение этих имен в русскую литературу внес и казахстанский журнал “Простор”. Как известно, именно в нём в 1965 году (№ 10) была впервые напечатана проза Цветаевой – “Отец и его музей”. Многие стихотворения Павла Васильева увидели свет тоже на его страницах: в 1963 году – “Сонет”, “К музе”, “Дорогому Николаю Ивановичу Анову” (№ 6); в 1964-м – “Так мы идём с тобой и балагурим...”, “Глафира” (№ 1); в том же году – “Мясники”, “Бахча под Семипалатинском”, “Затерян след в степи солончаковой...”, “И имя твоё, словно старая песня...” (№ 4); в 1966-м – “Я боюсь, чтобы ты мне чужою не стала...”, “Глазами рыбьими поверья...”, “Посвящение Н. Г.” (№ 8); в 1967 году – “Сердце”, “Тройка”, “Каменотес”, “Послание к Наталии” (№ 10).

И, может быть, важнее реальной встречи поэтов – то, что их стихи встречаются сейчас, в XXI веке. По крайней мере в Павлодаре это происходит ежегодно – на большом поэтическом празднике, Цветаевском костре, который проходит в октябре, в день рождения Марины Цветаевой. Стихотворения и Цветаевой, и Васильева читают здесь члены павлодарского литературного объединения, которое с 1957 года носит имя Павла Васильева. Самое активное участие в Цветаевских кострах принимают сотрудники Дома-музея П. Васильева и его директор Л. С. Кашина. А первый Цветаевский костёр зажегся возле дома, где в пятидесятых годах жила младшая сестра М. Цветаевой – Анастасия Ивановна Цветаева, замечательная писательница-мемуаристка (в 2007 году на этом доме была открыта мемориальная доска). Дом-музей Павла Васильева находится на соседней улице, совсем рядом. Интересно, что Анастасия Ивановна бывала в этом доме, когда в 1957–1959 годах жила в семье сына А. Б. Трухачева на улице К. Маркса. Дом, где прошло детство поэта, принадлежал тогда павлодарцам Алексеевым, у них снимала угол одна из ссыльных женщин. По воспоминаниям Алексеевых, она общалась с Анастасией Ивановной. Когда Цветаева шла на Иртыш, зачастую по пути заходила в этот дом за своей новой знакомой. Но и здесь была “невстреча” судеб семей васильевской и цветаевской – вряд ли в те годы кто-то из новых хозяев дома вспоминал, что раньше здесь жила семья Васильевых.

Некую метафизическую связь между поэтами можно усмотреть в таком совпадении: практически в одно время они работали над одной темой.

М. Цветаева в 1929 году начала писать “Поэму о царской семье”. М. Слоним вспоминал, что Марина Ивановна объясняла: мысль о поэме о царской семье зародилась у неё как ответ на стихотворение Маяковского “Император” (“Корону можно у нас получить, но только вместе с шахтой”). В этих стихах она услышала оправдание страшной расправы как некоего приговора истории. Весной 1931 года Цветаева публикует главу (пролог) незавершенной поэмы о царской семье – “Сибирь”. Сибирь – как величие России и место гибели её царя (подробно – в статье И. М. Невзоровой “К истории создания и забвения “Поэмы о Царской Семье” М. Цветаевой”, сборник “Творчество М. И. Цветаевой в контексте европейской и русской литературной традиции”, Елабуга, 2006).

7 марта 1931 года в парижской газете “Возрождение” появилось интервью Надежды Городецкой “В гостях у М. И. Цветаевой”. На вопрос: “А что вы ещё пишете или хотите писать по-русски?” М. Цветаева отвечает: “О царской се-

мье. Беру именно семью, а фон — стихия. Громадная работа. Всё нужно знать, что написано. А написать нужно — раз навсегда, либо вовсе не браться. В России есть люди, которые справились бы с этой темой, — но тема не их, они её любить не могут: если бы любили, там бы не жили. Так что я чувствую это на себе, как долг”. Марина Ивановна высказалась категорично, но несправедливо: “если бы любили, там бы не жили” — а куда ж им было деваться, тем, кто жил в России! Не у всех была возможность уехать... Но, с другой стороны, если “не жили” понимать в этом контексте как “не существовали”, слова Цветаевой абсолютно верны, и неизбежная гибель Васильева в СССР — тому подтверждение.

Павел тоже обратился к этой теме в конце 20-х годов. В коридоре рабфака искусств, где он тогда учился, было вывешено извещение о конкурсе на лучшее сочинение к юбилею Октябрьской революции. Конкурс проводил РАПП. Павел решил принять участие и за три дня написал очерк “Как расстреливали царскую семью (из рассказа чекиста)”. Очерк приводит в своей книге “Павел Васильев, каким его не знали...” Е. Туманский. Вот несколько отрывков:

“Царскую семью под усиленной охраной привели в подвал... Ипатьевского дома, где мы, чекисты, уже их ждали. Мы заранее знали, кто из нас какую царскую персону будет расстреливать. Я должен был покончить царицу.

Расстреливать врагов революции было для меня делом привычным: дуло пистолета к затылку — и зови митькой. Только на этот раз дело пошло по-другому. Вертает, сука, свою башку туды-сюды, никак не желает подставить затылок. Отпрянул я тогда от неё и пальнул ей по животу и грудям...”

Заканчивается очерк такими словами:

“В конце своего рассказа считаю нужным вставить следующее. Не знаю, как братва, а что касается меня лично, то после того дела у меня начался запой. Тянется запой пять, семь дней, и всё это время перед глазами одна картина: подвал, царица вся в кровянице, лукаво смеётся, пальцем мне грозит, а палец слабенький, как бы детский...”

... Приезжает “скорая”, меня везут в психичку, там моей головы касается этот же слабенький детский палец, я слышу знакомый радостный смех: “Горячка... Горячка...”

Господь, за что ты мне дал такие муки.

Записал со слов чекиста П. Васильев”.

Как видим, рассказ написан якобы со слов старого чекиста, с которым Павел познакомился, когда ездил в Екатеринбург (этот факт исследователи подвергают сомнению, скорее всего, рассказ — чисто художественное произведение). Туманский, приводя этот текст в своей книге, пишет о том, что, естественно, рапповцы охарактеризовали автора очерка как “очернителя всего ОГПУ”, который представил чекиста “пьяницей, убийцей и раскаявшимся грешником”, и именно после этой истории Васильев был отчислен с рабфака...

Из всей “Поэмы о царской семье” М. Цветаевой сохранился только отрывок под названием “Сибирь”: повествование об истории Сибири, поход Ермака, смена временщиков в Тобольске... Вот уж какая тема была близка Васильеву, как никакая другая!

*Сибирь!
Всё ненасытнее и злей
Кедровой шкурой дебрей обрастая,
Ты бережёшь
В трущобной мгле своей
Задымленную проседь соболей
И горный снег
Бесценных горностаев.
Под облаками пенятся костры...
И вперез тяжёлому прибою,
Взрывая воду,
Плещут осетры,
Толясь под самой
Обскою губою.*

Начал путешествовать Павел с шестнадцати лет, в июне 1926 года он уехал из родительского дома в Павлодаре – в Семипалатинск, Омск, а потом на Дальний Восток. Во Владивостоке он быстро обзавёлся новыми знакомыми, среди них был Рюрик Ивнев (настоящее имя – Михаил Александрович Ковалев, 1891–1981 г.). Поэт, прозаик, мемуарист, он первым обратил внимание на стихи Павла Васильева и устроил его публичный вечер, который состоялся в актовом зале Дальневосточного государственного университета в конце ноября 1926 года. Так что можно сказать, что именно Ивнев “вывел в люди” 16-летнего Павла...

О Р. Ивневем Васильев упоминал на допросе в ОГПУ 4 марта 1932 года, при своём первом аресте: “Зимой приехал во Владивосток писатель Рюрик Ивнев – остаток мерещковских салонов... Слепил его московский шик, кажущаяся известность, его заманчивые загадочные рассказы о Москве, о литературной славе, о Сергее Есенине. Похвалами он вскружил мне голову. Гением меня новоявленным назвал, акростих написал мне, вот он:

*Пустым похвалам ты не верь,
Ах, трудным будет путь поэта,
В окно открытое и дверь
Льёт воздух, лекарь всех потерь,
Ушаты солнечного света.
В глаза весёлые смотрю,
Ах, всё течёт на этом свете...
С таким же чувством я зарю
И блеск Есенина отметил.
Лыняющую голову храни,
Ее не отдавай ты даром.
Вот и тебя земные дни
Уже приветствуют пожаром.*

18 декабря 1926 года, уезжая из Владивостока в Хабаровск, Павел написал ответное стихотворение – “Рюрику Ивневу”:

*...Прощай, мой друг! Ещё последний взгляд.
Туман тревожно мысли перепутал.
В окне мелькают белые поля,
В уме мелькают смятые минуты...*

Вот так, в самом начале творческого пути, Павла Васильева благословил на поэтической стезе знакомый Марины Цветаевой. Рюрик Ивнев общался с ней десять лет назад, на вечер, который Марина Ивановна описала потом в своём очерке “Нездешний вечер” (он был опубликован в журнале “Современные записки”, № 61, 1936 год, Париж). События, описываемые Цветаевой, происходили в 1916 году в Петербурге в доме инженера-кораблестроителя И. С. Каннегисера. В “Нездешнем вечере” М. Цветаева пишет: “Читают Лёня, Иванов, Оцуп, Ивнев...”. Среди гостей был и Сергей Есенин, о котором рассказывал Ивнев во Владивостоке молодому Павлу.

“БРАТ ПО ПЕСЕННОЙ БЕДЕ...”

“Брат по песенной беде – / Я завидую тебе” – написала Марина Ивановна в начале января 1926 года на смерть Есенина. Ощущение себя причастным к этой “песенной беде”, к “круговой поруке поэтов” проявил тогда и 15-летний Васильев. В конце 1925 года Павел без разрешения встал на уроке литературы, когда учитель только вошёл в класс и ещё не начал вести занятия. “Давид Васильевич! Нельзя ли сегодняшний урок заменить есенинским? В России умер великий поэт...” Литературу в павлодарской школе второй ступени преподавал тогда замечательный педагог Д. В. Костенко. Он стал рассказывать о Есенине, читать “Персидские мотивы”, отрывки из “Гуляй-поля”. Павел, по воспоминаниям одноклассников, написал тогда стихотворение “На смерть Есенина” (оно, к сожалению, не сохранилось).

Васильев знал себе цену с малых лет, но, наверное, и не мечтал тогда, что друзья Есенина – Н. Клюев, С. Клычков, П. Орешин – меньше чем через десять лет станут его друзьями...

Для Васильева Сергей Есенин был “князем песни русския” (стихотворение “Другу-поэту”). В поэме “Одна ночь” Павел посвятил ему пронзительные горькие строки: “Я ненавижу сговор собачий, / Торг вокруг головы певца!”.

Взлетев двадцатилетним к поэтическому Олимпу, П. Васильев и к своему кумиру стал относиться уже критически: “Я хочу, чтобы слова роскошествовали. Есенин образы по яголке собирал, а для меня важен не только вкус, но и сытость...”.

Но, конечно, до Есенина был – Пушкин. Ему тоже посвящали стихи и Цветаева, и Васильев. Цветаевская “Встреча с Пушкиным” написана в 1913 году в Ялте. Это стихотворение скорее не о Пушкине, а о ней самой, о её осознании того, что она – поэт, “коллега” Александра Сергеевича по поэтическому ремеслу. В 1937 году Цветаева написала очерк “Мой Пушкин” – о Пушкине её младенчества, “творце её души”: “Пушкин меня заразил любовью. Словом – любовь... Когда жарко в груди, в самой грудной ямке (всякий знает!) и никому не говоришь – любовь. Мне всегда было жарко в груди, но я не знала, что это – любовь...”.

“Пушкин был первым её поэтом, и её первого поэта – убили. Поэтов всегда убивают, будь то пуля, самоубийство, – убивает сама жизнь, которая для поэта – непереносима. Это прозрение даровал Цветаевой тоже Пушкин...” (А. Саакянц). Цветаева написала также цикл “Стихи к Пушкину” (1931, 1933). Летом 1936 года она перевела на французский язык 18 стихотворений Пушкина.

Павел Васильев пытался подражать Пушкину ещё в школьные годы, в пору ученичества, а в 1928 году в шестом номере журнала “Сибирские огни” было напечатано его стихотворение “Пушкин”, с которого, собственно говоря, и началась его серьёзная литературная работа.

*Туман плывёт, седяющий и серый,
Поляна поднята в кустарнике, как щит.
И на отмеренные барьеры
Отброшены небрежные плащи...*

В этом стихотворении впервые проявилась такая особенность творческой манеры поэта, как слитность образов автора и героя. Это, как отмечают исследователи (Сергей Куняев), станет потом его “визитной карточкой” и даже повлияет на жизнь поэта: Васильев настолько перевоплощался в своих героев, что после появления поэмы “Кулаки” его стали считать сыном кулака и кулацким поэтом...

На самом деле “сын кулака” родился в семье учителя математики, был внуком пильщика и прачки, служивших у павлодарского купца Дерова. Песни бабушки и сказки деда Корнилы Ильича навсегда остались в душе ребёнка, а позднее органично вошли в мир его поэзии. В 19 лет Павел посвятил деду стихотворение: “Корнилу Ильич, ты мне сказки баял, / Служилый да ладный – вон ты каков! / Кружилась за окнами ночь, рябая / От звёзд, сирени и светляков...”.

Народное многоголосье, усвоенное ещё в детстве, – частушки, песни, балагурство – сама ткань поэмы П. Васильева “Песня о гибели казачьего войска”: “Были песни у меня – были, да вышли. / У крестовых прорубей, на чёртовом дышле, / Без уздечки, без седла на месяце востром / Сидит баба-яга в сарафане пёстром”.

“Песня” звучит от лица тех, кто пережил трагический эпизод в истории казачества. И эти голоса – громкие и тихие, разухабистые и лирические порой – заглашали в ней голос самого автора, которому, кстати, было во время её написания всего лишь 25 лет.

На творческом вечере в редакции журнала “Новый мир” в 1935 году П. Васильев признался: “Я написал “Песню о гибели казачьего войска”. Там материал владеет мной...”.

Блёстки народной поэзии, сказочные или песенные мотивы сверкают во многих стихах и поэмах Васильева. “Справа ходит быль, а слева – сказка”, –

пишет он в стихотворении “Другу – поэту”. Но вся беда в том, что правдивая народная васильевская сказка никак не вязалась с фальшивой сказкой советской...

В творчество Цветаевой стихия народной русской речи ворвалась в 1917 году, это отразилось и в её стихах, и в поэмах-сказках: “Царь-девица”, “Егорушка”, “Молодец”. Как отмечал Ходасевич в рецензии на поэму “Молодец”, стих народной лирической песни “ею почувствован и усвоен так, как ни у кого до неё”. Ариадна Чернова называла “Молодца” “песнью, переходящей в бег, пляс, вихрь...”

В ноябре 1918 года Цветаева пишет стихи, стилизованные под народные песни: “Нет, с тобой, дружочек чудный, / Не делиться мне досугом...”; “Развела тебе в стакане / Горстку жжёных волос... / Чтоб ослеп-оглох, / Чтоб иссох, как мох, / Чтоб ушёл, как вздох”. Или вот это, ставшее в наше время песней: “Чтобы помнил не часочек, не годок – / Подарю тебе, дружочек, грёбешок... / Нет на свете той расчёски чудней: / Струны – зубья у расчёски моей”.

Настоящая ворожба – в цветаевских строчках о проводках Масленицы: “Масляница! Бусельница! Провожайте Масляницу! Крути, парень, паклю в жгут! Нынче масляницу жгут! Гикалу! Шугалу! Хапалу! Чучелу!”

Васильев так же “ворожит”, играет словами в “Песне о гибели казачьего войска”: “Засвечу те очи ранней звездой, Затяну те губы жёсткой уздой. Закреплю заклятье: Мыр и Шур, Нашарбавар, Вашарбавар, Братынгур!”

Поэма Цветаевой “Егорушка” (1921) – о сказочном богатыре Егории, это тоже песенно-частушечная стихия, это поэма с причудливой фабулой, где Цветаева дала разгуляться своей фантазии...

У Цветаевой это имя – Егор, Егорий – появилось впервые в стихотворении 1919 года “Бабушка”:

*И внук — кудряш — Егорушка
Взревёт: “Давай ружьё!”
Я брошу лист и пёрышко —
Сокровище моё!*

.....
*Егор, моя утробушка!
Егор, ребро от рёбрышка!
Егорушка, Егорушка,
Егорий-свет-храбрец!*

Среди персонажей поэтических произведений Васильева тоже есть Егорушка. В июне 1932 года написано стихотворение “Егорушке Клычкову”, посвящённое новорождённому сыну поэта. По сюжету и ритму это скорее колыбельная песня:

*Темноглазый, коновой
Да темноволосенький,
Подрастай, детёныш мой,
Золотою сосенкой.
Лето нянчило тебя
На руках задумчивых,
Ветер шальный, зной губя,
Пеленал, закручивал...*

.....
*Подрастай, ядрен и смел,
Ладный да проказливый,
Чтобы соколом глядел,
Атаманил Разиным...*

Мандельштам, послушав стихи П. Васильева в квартире у Клюева, сказал об их народности так: “Слова у него растут из почвы, с ней смешиваются, почвой становятся”.

ПРАВА ОНИ БЫЛИ НЕЛЁГКОГО...

В 1935 году Васильев исключается из Союза писателей (был принят в 1934 году с рекомендацией Горького), на поэта заводятся “дело” в НКВД. “Буйное” поведение Павла Васильева в те годы объясняется не только характером поэта, но более — внешними причинами: чем крепче затягивали на нём узду, тем сильнее он вырывался... Хотя и характер был непрост, чем Цветаева и Васильев были довольно схожи. Современники вспоминают о Цветаевой: “Права она была нелёгкого, даже для самой себя...”, “Она не умела подлаживаться под заданный тон...”, “Она была очень своенравна... (бунтарка), не во имя какой-нибудь там революции, а потому что не хотела быть как все. Поэтому она и была антиобщественна”. Чем не объяснение для поведения Павла! И, наконец, главная причина: “Она была всё время поэтом. С самого детства”.

“Бунтарство” поэтов проявилось в юности — богоборчеством. М. Цветаева вставляет в киот вместо иконы портрет своего любимого Наполеона. Скандал с отцом... Павел в 14 лет сломал крест над входом в нижний придел казачьей церкви Павлодара. Скандал с отцом, исключение из школы на месяц... Причём предки у поэтов были людьми религиозными. Дед Марины Цветаевой по отцовской линии — В. В. Цветаев был священником. “Из села Талицы близ города Шуи наш цветаевский род. Священнический...” — писала М. И. Цветаева в “Истории одного посвящения”. Дед Павла Васильева — М. В. Ржанников много лет исполнял обязанности церковного старосты казачьей церкви.

“Заповедей не блюла, не ходила к причастью...” — пишет Цветаева в стихотворении 1915 года. Её дочь Ариадна Эфрон отмечала, что в матери не было ни настоящей религиозности, ни антирелигиозности. “Она понимала понятия: совесть, грех, возмездие, дух, рок”. Почти теми же словами ответил о своей вере Павел Васильев другу Илье Заславскому: “Мой бог — совесть, честь, добро”.

Может быть, юношеское богоборчество не заменилось истинной верой, но в стихах у Цветаевой в 1918—1919 годах уже появились слова “гнев Господен”, Бог, архангелы, иконы... Дело, конечно, не в словах, а в мировосприятии.

Как и Марина Ивановна, Павел Васильев в лучших своих стихах передавал ощущение того, что “здесь мир — это не весь мир и что мир безмерен” (М. Л. Слоним о Цветаевой).

*И колокол пространства голубой
Раскачивался
На мизинце бога...*

(“Крестьяне”)

*Рассыпаясь, летят по твоим волосам
Вифлеемские звезды российского снега...*

(“И имя твоё, словно старая песня...”)

*Туманов мерное сиянье —
Тучны вы, звёздные поля.
И в середине мирозданья
Надежда Господа — земля.*

(“Христоробовские ситцы”)

ПО ЗАКАЗУ ВРЕМЕНИ

Цветаева была убеждена, что ею, её голосом заговорило время, и она никогда не смогла бы писать по велению власти, а только по заказу времени. Только этот заказ (а не “указки какого-то Родова”) выполнял и П. Васильев. Его поэму “Песня о гибели казачьего войска” критики и спустя много лет после смерти поэта называли вещью, пронизанной сочувствием к белогвардейщине. В пример приводились строки, вложенные автором в уста кулацкого сына: “Што за нова власть така — раздела и разула, / Ещѣ живы пока в станицах есаулы!”. На самом деле поэт — не за белых и не за красных, это по-

эма о простых казаках и казачьих жёнах, это та же “романтика обречённости”, как у Марины Цветаевой в “Лебедином стане”: “И рыщет ветер, рыщет по степи: / Россия! — Мученица! — С миром — спи!”. Читая “Песню о гибели...”, / неизбежно вспоминаешь цветаевские строки: “Все рядом лежат — / Не развесть межой...” Поэты снова перекликаются — и темой, и ритмом, и болью. У Васильева: “ — Спи ты, мое дитяtko, / Маленький-мал. / Далекo отец твой / В снегах застрял, / Далекo-далёшенькo, вдалеке, / Кровь у твою батюшки на виске...” Но Васильев не мог закончить поэму плачем, таким, как “Плач Ярославны” Цветаевой: “Дерном-глиной заткните рот / Алы мой — нонче ж. / Кончен / Белый поход”. Все свои поэмы он завершает “красными концовками”, но и это не спасает... “Песня о гибели казачьего войска” вырезается из тиража “Нового мира” (№ 11, 1932). Отношение Васильева к многому в современной жизни скрыть было нёвозможно:

*Рыдают Галилеи в нарсудах,
И правда вновь в смиренных рубашках... (1931)*

А вот строки из стихотворения “Старая Москва” 1932 года:

*...Ты, вдобавок, нам смогла
Мёртвые с возов скрипучих
Грудой вывалить тела.
Нет, не скроешь, их немало!
Ведь подумать — средь снегов
Сколько всё-таки пропало
И лаптей, и сапогов!*

Стихотворение “Лагерь” (1933) — о гражданской войне. Но и о реалиях 30-х годов!

*...И двух в пальто в овраг соседний
Конвой расстреливать ведёт.*

В свой первый арест, в 1932 году, во внутренней тюрьме Лубянки Васильев написал горькие стихи о своей многострадальной стране:

*И всё равно, как будто не был,
А если был — под этим небом
С землёй сравнялся человек...
 (“Сначала пробежал осинник...”)*

Павел Николаевич ещё находил в себе силы шутить. В “Самокладках казахов Семиге” есть стихотворение “Милиционер”:

*Если уж такой он нарядный,
Значит, ответственный.
Если оружие на ремне носит,
Значит — советская власть.
Если человека арестовать может,
Значит, советская власть
Ему доверяет...*

Некоторые исследователи утверждают, что Марина Цветаева относилась к новой власти как к явлению природы. В подтверждение приводится письмо к Завадскому. Анализируя отношение адресата к ней, Марина Ивановна писала: “Чуть Вам плохо (нелады дома, жара, большевики) — я уже не существую. Дом — сплошной “нелад”, жара — каждое лето, а большевики только начинаются!”.

Но в записной книжке она пишет: “Сегодня, проходя по Поварской... — бессознательно — как крещусь на церковь — плюю на флаг, который задел меня по лицу...”. На двухлетие революции написано стихотворение:

*Двухлетие! — И снова их знамёна
Кровавые, кромешные — и снова
Человеколюбивого закона
Знак: чёрный хлеб
стодесятирублёвый...*

“В годы гражданской войны я была в Москве не с большевиками, а с белыми. Большевиков я как-то не заметила, заметила их только косвенно... У меня: любить одно — значит не видеть другого!”. Она их даже не слишком-то ненавидела, несмотря на то, что была “плакальщицей белого движения”, как сама себя называла. Что она действительно ненавидела — это мещанство, “дремучий быт”, о котором Павел писал так: “. . . Не раз я тобою / Был опрокинут / И тяжкою лапой / Твоею бит”.

Что же любили поэты? Жизнь! Во всех её проявлениях. Ещё в юности в письме к В. Розанову Марина писала о своей “безумной любви к жизни, судорожной, лихорадочной жадности жить”. А потом в стихах: “— О, бытие! Глоток / Горячего грога на сон грядущий!”, “Я! — Живейшая из жён...”. В конце 1924 года написано стихотворение “Жизни”:

*Не возмѣшь моего румянца —
Сильного — как разливы рек!
Ты охотник, но я не дамся,
Ты погоня, но я есмь бег...*

О том же — в стихах Васильева:

*Я, детёныш пшениц и ржи,
Верю в неслыханное счастье.
Ну-ка, попробуй, жизнь, отвяжи
Руки мои
От своих запястий!*

И в поэме “Одна ночь” поэт ещё раз утверждает:

*Я говорю тебе, жизнь: нипочѣм
Не разлюблю твои жѣсткие руки!*

“Руки жизни” никогда не были ласковыми и для Цветаевой, особенно после возвращения в Советскую Россию. Читая о её мытарствах в предвоенные годы, я вспоминаю стихи Павла:

*Ни за что ни про что
Я на свете маюсь,
Нет мне ни света, ни праздничных дней.
Так убегает по полю заяц
От летящих на лыжах
Плечистых теней...
.....
...Вспоминаю я город
С высокими колокольнями
Вплоть до пуповины своей семьи.
Расскажи, что ль, родина, —
Ночью так больно мне,
Протяни мне,
Родина, ладони свои.*

М. Цветаева не хотела возвращаться в СССР только потому, что знала: “Там мне не только заткнут рот непечатаньем моих стихов, там мне их и писать не дадут”. Слова стали провидческими для многих настоящих поэтов, которых угораздило жить в России в тридцатые годы XX века. . .

П. Н. Васильев был расстрелян 16 июля 1937 года по обвинению в терроризме и подготовке покушения на И. В. Сталина. Предположительно прах его

покоится в братской могиле на кладбище Донского монастыря в Москве. На небольшой стеле надпись: “Общая могила № 1. Захоронение невоинственных прахов с 1930 по 1942 год”. Среди многочисленных табличек с именами похороненных здесь стоит и такая: “Поэт Павел Николаевич Васильев”. Как условен памятный камень Марине Цветаевой на Елабужском кладбище, так условна и эта табличка – это просто место, куда можно прийти и поклониться памяти поэта. “Распасться, не оставив праха / На урну...” – Марина Ивановна всё предвидела заранее...

Эти две трагические судьбы словно две стороны одной медали: талантливый русский поэт в тридцатые годы двадцатого столетия – в России и вне её. “Здесь я не нужна. Там невозможна...” – писала Цветаева в эмиграции. А Васильев с таким же основанием мог сказать о себе в России: “Здесь я не нужен. Там невозможен”.

Поэтам не повезло со временем? А везёт ли им хоть когда-нибудь? Были бы счастливы они в сегодняшние времена, времена “полной свободы”? Считается, что нет репрессий, войны, идеологических установок... Нет?

Но, по большому счёту, нет и читателей... Увы, всё меньше и меньше места в сердцах и умах современников занимает поэзия. В XXI веке другие ценности... Как там у Марины Ивановны:

*С хлебом ем, с водой глотаю
Горечь-горе, горечь-грусть.
Есть одна трава такая
На лугах твоих, о Русь...*

Но всё же – о горечи – закончим Васильевским, “оптимистичным”:

*...Тяжёлый мёд расплёскан в лете,
И каждый дождь — как с неба весть.
Но хорошо, что горечь есть,
Что есть над чем рыдать на свете!*